

Rideró

МИСТИЧЕСКИЙ РЁКАН НА КРАЮ КИОТО

11 РАССКАЗОВ АВТОРОВ МАСТЕР-КУРСА ТАМАСИИ-НО КОЕ

Коллектив авторов

Мистический рёкан на краю Киото

«Издательские решения»

Коллектив авторов

Мистический рёкан на краю Киото / Коллектив авторов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-0065-6746-7

В сборнике вы найдёте мистическую атмосферу Японии, где люди встречаются с ёкаями, призраками и оборотнями. Вся японская нечисть собралась под одной обложкой. Леденящие кровь ужасы и тёплые, уютные истории со светлым концом. Итак, представьте себе древний рёкан, построенный на окраине Киото, который местные жители обходят стороной. И только усталый путник, незнакомый с местными легендами, находит здесь свой ночной приют. Вот только сможет ли он пережить эту ночь...

ISBN 978-5-0065-6746-7

© Коллектив авторов
© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
БЕСТИАРИЙ	7
Алексей Небыков.	11
Судзури-но Тамаси.	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Мистический рёкан на краю Киото

11 рассказов авторов мастер-курса Тамасии-но Кое

Авторы: Небыков Алексей, Судзури-но Тамаси, Рыкова Юлия, Букер Некто, Гулкова Елена, Воронцова Елизавета, Тумина Елена, Василевская Гульнара, Тушева Ирина, Кадзицу Яманэко, Валужене Елена

Продюсерское агентство Антон Чиж Book Producing Agency

Корректор Ольга Рыбина

Дизайнер обложки Клавдия Шильденко

- © Алексей Небыков, 2025
- © Судзури-но Тамаси, 2025
- © Юлия Рыкова, 2025
- © Некто Букер, 2025
- © Елена Гулкова, 2025
- © Елизавета Воронцова, 2025
- © Елена Тумина, 2025
- © Гульнара Василевская, 2025
- © Ирина Тушева, 2025
- © Кадзицу Яманэко, 2025
- © Елена Валужене, 2025
- © Клавдия Шильденко, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-0065-6746-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Глухой ночью ветер тронет облака и сквозь них пробьются печальные лучи лунного света. Тихо и мрачно вокруг. Ни песнь цикады, ни перебранка бойких птиц не разорвут мрачную тишину. Лишь молчаливый лик луны безразлично взирает на старинный рёкан, стоящий на краю Киото. Местные жители уже и не помнят, сколько столетий назад он был построен и кто его хозяин. Только заведение это с давних времён пользуется дурной славой. Никто не хочет омыть своё тело в горячих водах его онсена. Да и слава у этого заведения дурная – нет-нет да и пропадёт какой путник за его стенами.

Не по нраву местным такое соседство, но и избавиться от него довольно сложно. Поговаривают, каждый месяц хозяин рёкана платит щедрую ренту киотскому сёгунату. А те в ответ закрывают глаза на странное соседство, от которого время от времени бегут мурашки по телу у всех жителей в округе. Особо темными ночами из рёкана доносятся нечеловеческие вопли, кои издавать может разве что нечисть. Родители даже пугают непослушных детей: мол, отведём тебя в чёрный рёкан, если не будешь прилежным. И ужас застывает в глазах, и чаще бьются детские сердечки от одной только мысли приблизиться к проклятому рёкану.

Лишь уставший путник, припозднившийся глухой ночью, постучит по незнанию в ворота, попросит приют. И раздвинутся сёдзи, и примут радушно долгожданного гостя. Здесь рады всем: и старику, чьи лучшие годы ушли безвозвратно, и юноше, чей лик чист и свеж, как распустившийся цветок сливы после морозных дней.

Не брезгают в рёкане и теми, чьи тела покрыты татуировками, не поморщатся перед гайдзином¹ – все найдут здесь свой приют.

Кто-то выберется из рёкана дрожащим утром и поскорее устремится прочь, забыв о делах, которые искал в Киото. А кому-то придётся ступить на алую дорожку из паучьих лилий², которая приведёт пришельца прямоком к жёлтому источнику³, где старуха Дацуэба⁴ заберёт его одежды. Никто не знает, кем войдёт человек в рёкан и каким из него выйдет. Лишь только ночь решит судьбу путника.

¹ Буквально: человек из внешней страны, иностранец.

² Здесь имеются в виду цветы ликориса, которые, согласно легенде, высажены вдоль дороги, ведущей в царство мёртвых.

³ В японской мифологии жёлтый источник – это источник забвения, испив который дух забывает свою прошлую жизнь.

⁴ Старуха Дацуэба – ёкай, который сидит на реке, граничащей с миром мёртвых и миром живых. Она снимает одежды с мёртвых и передаёт её Кэнэо. Тот развешивает одежды на ветвях деревьев, и чем сильнее гнётся под тяжестью ветвь, тем больше грехов и мёртвого духа.

БЕСТИАРИЙ

АОСАГИБИ – птица-ёкай, появляющаяся ночью в облике светящейся бело-синим огнём серой цапли.

АРИ – водный призрак.

БАКЭ-ДЗОРИ – одушевлённая сандалия дзори, за которой плохо следили хозяева.

БАКЭНЭКО (BAKENEKO) – кошка-ёкай, которая развила магические способности, дожив до преклонного возраста. Бакэнэко может принимать человеческий облик, гипнотизировать людей и манипулировать ими. Её часто связывают с проклятиями и мстостью. Этот ёкай символизирует магическую силу кошек и их способность изменять судьбу окружающих.

ГАШАДОКУРО (GASHADOKURO) – огромный скелет, состоящий из костей людей, умерших от голода или на войне, не получивших достойного погребения. Этот ёкай преследует путников ночью, пытаясь схватить их и съесть. Гашадокуро неуязвим и распадается только тогда, когда истощается его злобная энергия. Он символизирует затаённую боль и гнев забытых душ.

ДАЙ-ТЭНГУ – ёкай тэнгу, выполняющий роль повелителя.

ДЕМОН ТЭНГУ – гибрид собаки и птицы; неизменный атрибут демона тэнгу – веер, с помощью взмаха веера тэнгу менял лицо у людей.

ДЗАСИКИ-ВАРАСИ – ёкай в виде маленькой девочки – домового, сулящего счастье и богатство всем, кто их приютит.

ДЗЁРОГУМО (JOROGUMO) – паук-ёкай, способный принимать облик прекрасной женщины. Обитает в заброшенных местах или у водопадов. Дзёрогуромо заманивает жертв своей красотой и убивает их, опутывая паутиной. Символизирует смертельную опасность, скрытую за внешней привлекательностью.

ДЗИТО – один из японских богов, защищающий путников.

ЁКАЙ – общее японское слово, обозначающее призраков, демонов, монстров, оборотней, обманщиков и другие виды сверхъестественных существ и таинственных явлений.

ИВАКОСИМПУ – горный демон.

ИСТОЧНИК ЗАБВЕНИЙ – в мире мёртвых, утраченных в памяти и воспоминаниях живых.

ИТТАН-МОМЭН – призрак, близкий цукумогами в японском фольклоре. Представляет собой вращающуюся белую полосу хлопковой ткани.

КАМА-ИТАТИ – демоны-ёкаи в виде трёх ласок с острыми как бритва когтями.

КАМУЙ – божество.

КАППА – дитя реки, существо мужского пола, с птичьим клювом, часто с черепашим панцирем на спине.

КАРАСУ-ТЭНГУ – ёкай тэнгу, выполняющий роль палача.

КАСА-ОБАКЭ – одержимое существо из бумажного зонта.

КИДЗЁ – женщина-демон.

КИНАСЮТ-КАМУЙ – богиня-змея, ассоциируется с культом плодородия, почитанием домашнего очага, огня. Её вызывают при трудных родах, при болезни для исцеления.

КОНАКИ-ДЗИДЗИ – старик с плачем ребёнка.

КУТИСАКЕ-ОННА – злой дух красивой женщины, убитой из ревности своим мужем, она тканью, рукавом закрывает нижнюю часть лица, скрывая рот, разрезанный до ушей. Убивает путников, которые пугаются её кровавой раны, тем же, кто не пугается, разрезает рот до ушей огромными ножницами.

МАГАТАМА – изогнутое украшение, изготавливалось в основном из драгоценных камней в виде запятой; приносило счастье и оберегало от зла.

МУДЗИНА – типичный оборотень и обманщик людей. Они тщательно скрывают своё животное происхождение.

НИНГЁ – человек-рыба с человеческим лицом и рыбьим хвостом, с обезьяньим ртом, полным мелких зубов, японская русалка.

НОБУСУМА – существо, похожее на белку-летягу.

НОППЭРАПОН – ёкай, отличительной чертой которого является полное отсутствие лица. Главная забота ноппэрапона – напугать человека до смерти.

НУППЕППО – миролюбивый ёкай, похожий на кусок гниющего мяса, съев которое можно стать бессмертным.

НУРАРИХЁН – верховный демон-ёкай, старый мужчина с тыквоподобной лысой головой. Внешне имеет изысканные манеры.

НУРИКАБЭ – притворяется вещью и создаёт людям препятствия.

НЭКОМАТА – существо японской мифологии, двуххвостый кот-ёкай. В японских и китайских хрониках описываются два вида нэкомата: дикий, обитающий в горах, и домашний, который, состарившись, превратился в кота-ёкая.

ОКИКУ – призрак служанки, чьё тело напоминает змею, окольцованную тарелками.

ОКИКУРУМИ – первопредок людей, бог-просветитель айнов. Окикуруми буквально переводится как «человек, сделавший себя сам».

ОМИМИЗУ (OMIMIZU) – огромный червь, связанный с природными бедствиями – землетрясениями и оползнями. Омимизу олицетворяет хаос и разрушительные силы природы с нарушением баланса в окружающей среде. В мифах он обычно появляется в сельской местности и угрожает жителям.

ОНИ – очень маленькие или очень большие злобные клыкастые и рогатые человекоподобные ёкаи с красной кожей, живущие в Дзигоку. Очень сильны и хитры, трудноубиваемы, любят человеческое мясо.

ООГАМА (OGAMA) – гигантская жаба, связанная с магией и трансформацией. В японском фольклоре жабы часто ассоциируются с богатством и мудростью. По преданию, основатель клана ниндзя Хатори трансформировался в Оогама с копьём. Оогама может быть спутником колдунов или монахов, обладающих магическими навыками.

О-ТЭНГУ (O-TENGU) – человекоподобный ёкай с длинным носом, иногда с чертами птицы. Они считаются духами гор и лесов, известны своей двойственностью: могут быть наставниками и защитниками, но также способны обманывать и наказывать людей за высокомерие и алчность. О-тэнгу – это старший и более могущественный тип тэнгу, символизирующий мудрость и силу.

ПАСЕ-КАМУЙ – бог богов, владетель неба, который управляет всеми другими богами – солнцем, луной, громом, Венерой, созвездием Плеяд, Большой Медведицы, Полярной звездой, Млечным Путём.

РУРУКОСИМПУ – морской демон.

СЁДЗЁ – морской ёкай с ярко-рыжими волосами, большой любитель выпить священного белого саке.

СУЙКО – человекообразное существо с перепончатыми руками и ногами, также черепашиим панцирем на спине.

СЮМБУН – название одного из 24 сезонов, на которые в древности делился год. **СЮМБУН-НО ХИ** – день весеннего равноденствия, отмечается 21 марта, в високосные годы – 20 марта.

ТАКО-НЁБО – осьминоги, которые приняли облик человеческих женщин и вышли замуж за человеческих мужчин.

ТАМА – душа в японской культуре.

ТАНУКИ – зверь-оборотень (енотовидная собака), любит подшутить над человеком.

ТРЁХХВОСТАЯ КИЦУНЭ – мифическое существо-ёкай в японской мифологии и фольклоре, лисица, обладающая сверхъестественными способностями. Каждые 100 лет у неё отрастает дополнительный хвост и увеличиваются способности.

ТЭ-НО МЭ – ёкай, слепец с прикрытыми веками и с глазами на ладонях, выглядит как безобидный старик, пока не погонится за человеком, чтобы напугать.

ТЭНГУ – существо из японских поверий. Оно представляется в облике мужчины огромного роста с красным лицом, длинным носом, иногда с крыльями. Занимает промежуточное положение между большой чудовищной птицей и полностью антропоморфным существом. На ранних изображениях предстаёт в виде коршуна. Длинный нос тэнгу, по-видимому, появился в XIV веке, вероятно как очеловеченная версия птичьего клюва.

УМИБОДЗУ – огромное чёрное человекоподобное существо, живущее в море, которое также называют морским монахом.

УНГАЙКЁ – дух, живущий в зеркалах.

УСИ-ОНИ (USHI-ONI) – демоническое существо с головой быка и с телом гигантского паука или другого зверя. Внешний вид может варьироваться в зависимости от региона. Уси-они обитают у воды, часто на побережьях, и нападают на людей, подходящих слишком близко. Считаются символом необузданной силы и ужаса. Иногда изображаются охранниками святых мест.

ФУТАКУЧИ-ОННА – ёкай, женщина-чудовище с маленьким ртом, имеющая на затылке огромную пасть, спрятанную под волосами.

ХАРИ-ОННА – ёкай в виде красивой женщины с длинными чёрными распущенными волосами. Она может управлять своими волосами, словно щупальцами. Острыми крючками на кончиках волос она впивается в одежду и плоть человека. Связанный её волосами, человек не может вырваться, а тем временем хари-онна своими крючками разрывает беспомощную жертву на части.

ХЭБИ – существо в японской мифологии, имеющее вид змеи, ёкай-змея.

ЦУКУМОГАМИ – ёкай старых вещей. В Японии есть поверье, что вещь, которой более ста лет, превращается в домашнего монстра, иногда доброго.

ЦУТИГУМО – земляной паук, предстают в образе существ с лицами демонов, телами как у тигра, конечностями пауков и в огромных одеждах.

ЧАЙНИК-ТАНУКИ – существо (ёкай) в виде енотовидной собаки, символизирующий счастье и благополучие.

ЧУФ-КАМУЙ – богиня солнца.

ЭНЭНРА – полупрозрачный ёкай, которого могут видеть только люди с чистым сердцем

ЮКИ-ОННА – женщина-ёкай, «Снежная королева» Японии, появляется зимой, замораживает людей своим ледяным дыханием.

ЮРЕЙ – жаждущий мести призрак умершего человека, который погиб насильственной смертью, не завершив какого-то важного дела. Отличительной особенностью классического юрей является отсутствие ног.

ЯМАБУСИ-ТЭНГУ – могущественный дух гор и лесов, представляется в облике мужчины огромного роста, с красным лицом, длинным носом, иногда с крыльями. Тэнгу очень часто носит одежду горного отшельника (ямабуси), он наделён огромной силой. Морочит путников в горах, пугает их громовым хохотом, охраняет лес.

ЯМАМБА – хозяйка леса, страшная старуха.

ЯМАНЭКО (YAMANЕКО) – дух горного кота. Согласно легендам, это не обычный зверь, а ёкай, связанный с лесами и горами. Яманэко обладает способностью к трансформации и может ввести путников в заблуждение. Коты в японском фольклоре часто наделяются сверхъестественными способностями, изображаются коварными и хитрыми.

ЯМАУБА – горная ведьма, пожилая женщина, которая живёт в горах. В легендах и сказках она часто изображается как отвратительное существо, которое похищает женщин из местных деревень, ест скот и маленьких детей и мучает любого, кто заходит на её территорию.

Алексей Небыков. НЕОДОЛИМАЯ ТИШИНА СВЕТА

Эпоха мира и покоя пришла в Японию в конце восьмого столетия нашего времени. Путники всё чаще без трепета выходили на дороги, покидая столицу и солнцеликого микадо⁵, и даже встречи с ночными губителями более не пугали их, потому что отступила война.

Пора дождевой воды сезона Усуи⁶ уже не первый день омывала землю, напозвала туманами, пробивалась листьями в час, когда редкий путник, не знавший правды окружавших его пустынных мест, разыскивал скорый привал.

Наряд его представлял простолюдина. Одет путник был точно монах: бедное тёплое кимоно, в одной руке длинный бамбуковый посох, в другой – чётки, а за спиной короб отшельника, привычно хранящий sake, кремь, промасленную бумагу и иной для долгого хождения в безлюдности припас.

По собранному шагу монах скорее походил на свирепого буси⁷, способного без препятствий покидать пределы застав Хэйанке, следуя к особому в разных краях делу, тихому в недобрых рубежах поручению. Видно было, что много дней путник оставил в пути – лицо загорело, одежды запылились.

День уже прибывал к концу, а впереди во все стороны ширился лишь необъятный пустырь. Солнце заваливалось за горизонт и гуще набухал туман, когда задул внезапный недобрый ветер.

Путник привык выпутываться из беды, находить в момент скорое решение, а потому не входил в отчаяние и следовал назначению выбранного пути. Хотя давно должно было напроситься на ночлег, набежать на гостиницу или любое другое жилище.

В наступающей темноте больше всего противило путника неявление луны: двигаться без усталости, не замерзнуть он ещё был готов, но пробираться на ощупь, положившись на силу предощущения, – дело пропавшее, когда и большой храбрец станет без воли не храбрецом.

Солнце окончательно скрылось. Путник остановился, прекратил в бессветии движение. Он закрутил головой в разные стороны, точно ждал знака, и тот миг явился: заюлил далеко-далеко справа от дороги неясный огонёк, ведущий прочь от исхоженной тропы по траве в сторону беспросветной ночи.

«Знающий путь уступает идущему по нему. А идущий отстаёт от спешащего в радости. Бойче шаг, Тоео-сан! Там обретёшь приюта усладу», – обратился к себе путник и сошёл вслед за плывущим в далеком воздухе фонарём с дороги.

Долго шёл Тоео за маячащим светом. Усталый, он вместе с тем не прекращал испытывать перед собой посохом путь, памятуя, что негодные люди часто манят перехожих к обрывам, ямам и топям, дабы затем навредить, обобрать и спрятать.

И вот через какой-то недолгий час впереди появились разрушенные ворота. За ними гудела глубокая река, скрипел на ветру деревянный мост.

Когда-то прежде здесь была устроена застава. Теперь лишь темень завораживала всё вокруг. Места гляделись покинутыми. Расползлся по траве туман, но мост приуспел над рекой, невредимый. Казалось, взвеси капель воды не решаются покрыть собой и его. Где-то там, на тверди надводных досок, всё так же приветливо зазывал фонарь, обещая приютный кров и сытую на ином берегу радость.

⁵ Микадо – древнее наименование императора Японии.

⁶ Усуи – период традиционного японского календаря. Начало этого сезона по современному времени приходится на девятнадцатое февраля, а окончание – на пятое марта.

⁷ Буси – так в Японии называли воинов.

Странное это было место, дикое, неживое. Тоео решил сперва наломать досок из разрушенных заставных ворот, оттопиться ночью на изголовье из трав, а утром, не сослепу осмотреться, разведать невидимый берег, а там и вернуться на прежнюю дорогу, если что. Но затем припомнил, что скверное это место – исток надводного построения: хоронения часто устраивали у опор мостов. А потому, не желая досаждать духам, двинулся вслед за огнём, уступая себя и случаю, и затаённому берегу.

И лишь перешёл Тоео заставы портал, ухнули, точно распрямившись, наката доски, натянулись, вытряхивая вековую пыль, моста канаты, и высветилась великая луна, проявляя необъятный бурливый ток реки и невозможной крепости и долготы деревянное над водой построение.

Туман забылся позади на другом берегу. Тоео шёл за огнём по мосту, но не видно было краёв тверди, лишь лавинные срывы воды кругом и смоляное, гневливое над головой небо.

Пропавший час скрипел Тоео по мосту. Остановился, скинул короб. И явился на лунный свет тугой, обтянутый кожей рогатый лук. Зацепил Тоео стрелу с ястребиными перьями и спустил тетиву над водой в сторону затаённого берега, силясь расслышать глухое земли касание. Но круто кругом резвилась вода, казалось, местами плескалась и рыба, и не сумел ничего постигнуть Тоео. Фонарь по-прежнему в воздухе плясал, но и теперь в ясном лунном блеске не высвечивал ни руку, ни фигуру идущего рядом.

Неизвестно, в который час впереди завиднелся берег. Тоео ускорил шаг и, сойдя наконец с моста, почувствовал сквозь солому дзори⁸ тепло непостижимое, а ещё точно клокотание подземное – рябью отзывалась земля.

Берег тесный упирался в непроходимый лес, и дорога вела вдоль чащи одна – навстречу неприступным скалам и губительной силы водопаду, где у сбегавшей воды огнями со всех сторон освещался стародавний рёкан, не избитый погодой и временем, удивительно сохранившийся в своей вековой роскоши.

Недобрым казалось такое затаённое положение: постоялый дом, привычно рождающий вокруг себя хибары торговцев, рыбаков, охотников, здесь помещался совершенно один. Укрытый со всех сторон, он точно рассчитывал на особого одинокого человека, и лишь окна сияющие и хождения теней внутри сообщали о его населённости, несмотря на заброшенность и глухоту места.

Тоео никто не встречал. Знакомый фонарь одиноко болтался на поперечине ворот, пропуская в придворное владение. Тоео стоял перед входом в рёкан и обворожённо смотрел на него. Оторванные от земли каменным устройением этажи дома точно парили в воздухе. Ярусы их трижды сжимались к небу. Окрашенные чёрным стены рёкана и покрытые корой крылья крыши, защищённые фигурами жутких выстроганных пауков, – любому сообщили бы об опасности.

Но не было сомнений у Тоео, и решительно он заступил внутрь, не примечая ни сада, в увядании спавшего перед домом, ни теней в окнах затаения, внезапного недвижения. Только надежду и утешение предощущал усталый путник, и никакая неприветливость не остерегла его.

* * *

Постоялый дом встречал Тоео просторным, натопленным и полупустым кровом. Никакой излишней мебели и обстановки, лишь небольшие полотна с иероглифами на стенах, разглядеть которые Тоео в кротости освещения никак не мог, а ещё юркий невысокий столик с приветным благоухающим чаем и искрящимися пёстрыми сладостями.

⁸ Дзори – сандалии, вид национальной японской соломенной обуви.

Тоео отвязал дзори и, ступив босиком на татами⁹, скинул походный короб. В тот же момент распахнулись бумажные сёдзи¹⁰ против входа и заютилась навстречу Тоео ладная и пытливая накаи-сан, услужливая и безотказная помощница, хранительница гостей рёкана. В руках у неё хрустело песочное кимоно. Приоткрыв его, она выловила из складок тапочки и в достойном полупоклоне протянула путнику дары на хрупких фарфоровых руках.

Тоео взял кимоно, уместил ноги в тапочки и, прихватив короб с собой, несмотря на противление накаи-сан, двинулся следом за ней.

Коридор, соединяющий постоянные комнаты рёкана, был мрачным и жарким. Казалось, испытанное прежде на берегу от земли тепло здесь, в рёкане, ещё сильнее прогрело дом и его просторы. Единственным ясным спутником в пути был бумажный фонарь со свечой внутри в руках услужливой накаи-сан. Этот скудный свет огня лишь на миг освещал закрытые в комнаты сёдзи и скорее сгущал мглу вокруг идущих. А ещё грозился Тоео пляшущей впереди тенью накаи-сан, которая недовольно что-то про себя на стенах губами бурлила, невозможно широко в отсветах отворяла рот и будто проявляла неестественной долготы клыкастые зубы. Но прогонял видение Тоео и мотал головой, смаргивая глазами неприятный мир.

Вскоре гостя подвели к одной из комнат. Накаи-сан раздвинула сёдзи, приглашая войти Тоео. В этот момент зазвучал пробирающий до озноба широкой волной гонг, потоки его пронесли по дому и, ворвавшись в комнату путника, утихли.

– Ратто-но-джикан¹¹! – Захлопала в ладоши горничная, приветствуя наступление часа крысы, и запровожала жестами Тоео скорее-скорее пройти внутрь.

Уютным и живописным представился Тоео постоянный номер. Те же соломенные циновки на полу, просторные для сна футоны-матрасы, во всю стену раздвижные бумажные окна с будоражащим видом на дикий водопад.

Нишу красоты – возвышенное углубление комнаты – украшали старинный самурайский меч и свиток с изображением опадающих перьев, дополненный стихами, которые Тоео прочитал вслух:

– *Ну и что же,
Что я исчезну, когда
На Берегу Судеб
В достатке будет и существ, и духов
Для новых чрез воды Жёлтого Источника отпращиваний.*

И вновь захлопала довольная накаи-сан, восхищаясь древними строками, зазвучавшими в стенах комнаты.

– Кажется, в прежние времена белыми перьями сообщали жертве о скором приношении... – проговорил вслух Тоео, разглядывая свиток.

Но накаи-сан точно не расслышала его, захохотала в ответ, проскользнула по комнате, выстукивая по стенам, и раскрылись внутренние сёдзи в соседнее пространство, где устроен был уже широкий с обильным обедом стол и закипал в онсене источник живительный влаги.

Накаи-сан щебетала ещё что-то о горячих водах, струившихся здесь уже много веков, об удивительном исцелении любого недуга, о великих духах, разрешивших устроить для самых избранных особое место. Затем она перекрыла воды ток, запалила благовония палочку, сообщив, что купаться в онсене можно, пока тлеет курение, иначе дух горы чрезмерно окислит воду и станет скверно, а после с глубоким поклоном ушла.

⁹ Татами – японские традиционные маты, которыми застилают полы в домах.

¹⁰ Сёдзи – дверь, окно или разделяющая внутреннее пространство жилища перегородка в традиционном японском доме.

¹¹ Ратто-но-джикан – в переводе с японского означает «час крысы». Японцы используют времяисчисление двенадцатичасового животного восточного гороскопа. Час крысы обозначает время с одиннадцати вечера до часу ночи.

Тоео сбросил одежды, растянулся, совершив несколько вихревых руками движений, и впервые за этот день сел за трапезный стол. Ему сильно хотелось с дороги смыть поскорее пыль, но ни о чём кроме сытых минут и обжигающего саке Тоео не мог думать.

А разбаловаться было теперь чем. В пузатом треножнике с небольшим ковшом плескалась рисовая водка, на столе разнообразились блюда из некрупных акул, лангустов и осьминогов, всевозможной сырой рыбы, украшенные нори и дикими овощами, которые привычно даровали измученным путникам утешение, как и прежде много веков назад.

Утолив первобытный голод, Тоео погрузился в горячие воды онсена. Уместив полотенце точно подушку под шеей, он откинул голову, прихватив края купальни руками. Мыслей не было никаких, только пульсирующая, усыпляющая усталость.

«Воды не огненно-жгучие, нет духа серного, тлеет пока и палочка... Можно лежать... можно...» – бормотал Тоео, уговаривая себя не засыпать.

Но не опасность долгого в воде пребывания, не вид за окном на горы с отвесными склонами, с редкими деревьями на них, усохшими, точно оплывшие свечи, на водопад метущийся, дикий, на небо, стусившееся облаками необычайно низко, чёрное, молниями далёкими прорывающееся, – не смогли сохранить Тоео бодрость, и, погрузившись в грёзы, он провалился в сон.

«Неужели случилось добраться, дойти?.. – спрашивал Тоео кто-то живо во сне. – Ты уже победил, завершил поступок?.. Оттого вся вода окрасилась сливой, а тело разгорячилось отчаянно-красным?..»

Тоео открыл глаза, ощутив внезапную жгучую боль. Вода в онсене стала ржаво-красной, что-то отравляющее, вонючее, испепеляющее, точно лава, плюхалось в купальню, переливалось через края. Тоео заюлил ногами, силился вырвать себя руками, поднять, но полотенце крепко тянуло его ко дну, не давало выбраться из воды. Тоео закрутил головой, засучил, в тот же миг уйдя под воду, позади себя руками, но ни тени, ни человека не мог различить, хотя кто-то непомерно сильный убивал его прямо в это время в невозможно кипучей воде.

Тоео видел над собой дикой пляски и мельтешения круговерть: горели огни, летала посуда, казалось, рубит пространство над водой старинный смертоносный меч, а ещё кто-то сжимал полотенцем шею, придерживал Тоео на самом дне, не давая ни продыху, ни подъёму.

«Обереги защитные мои храни. Одержимые, ветхие не смогут пройти их крепость. И не думай вступать с ними в схватку. Ищут лишь напугать средство. Оставят в покое, устроив свалку...» – вспоминал наущения кого-то близкого Тоео и, ослабив мышц сопротивление, позволил рукам опуститься на дно, а горлу вконец лишиться дыхания.

В тот же миг отступила душительная сила, вода просветлела, утихла и будто враз остыла. Выскочил из купальни, отплёвываясь Тоео, оглядел пространство комнаты. Ни цветом, ни беспорядком не тронут, лишь палочка благовонная истлела и какой-то незнакомец в парадном кимоно стоит у окна.

* * *

– Фудо, бонза¹² Тоео-сан. Скромный служитель уютного дома, по всем делам управитель. Вы ведь странствующий монах? – посмотрев на широкий короб, продолжил незнакомец: – К вашей радости прибыл на первый плеск воды. Все кругом отвечает отдохновению?

– Одержимые почти сварили меня под вашей крышей! Не сильно похоже на отдохновение.

– Быть может, отринув тело, мы начинаем тысячи поколений бег... М-м-м, шалят, порою шалят, бонза Тоео. Чего ожидать от них, затравленных, позабытых, неценных. Обида. Обида

¹² Бонза – так называли в Японии почётного монаха в храме.

на людей... Судьба вещей несправедлива, безропотна. Истовая служба, а в конце – свалки дни, без хозяина, крова, людских поклонов...

– Что же это за рёкан?

– Так тоскует по буре ранняя вишня, что сама облетает свой цвет, не повстречавшись с ветром... – приступил к объяснениям Фудо, но вновь раздался широкий гонга гул, сообщая о наступлении очередного животного часа. – Время быка¹³! Нужно спешить, бонза Тоео. Пропустим самое интересное. Госпожа ждёт. Наряжайтесь скорее. Все ответы... уже в пути.

Тоео переменял кимоно и, собираясь прихватить и короб с собой, не нашёл его в комнате. Удивлённо взглянув на Фудо, услышал:

– Убрали в нишу, бонза Тоео. Изначальная пустота, бренность обстояния. – И видя негодование на лице Тоео, добавил: – По первому требованию. Всё принесут. Прошу вас. Мгновения жизни – лишь подвига миг, лишь чашка вина. Мы сильно позадержались. – И управитель вышел из комнаты.

Тоео вновь оказался в длинном, тусклом коридоре, следовал за Фудо, уже сознавая, что в каждую минуту решается его удел.

– Вы задаётесь, где вы? – продолжал управитель. – Бонза Тоео, разве не помните, откуда пришли и куда мы следуем всей своей жизнью? Землёй прорастаем, крепнем. В неё уходим, утишимся. Один вопрос лишь: когда? Чистая земля, центр мира – мы теперь за пределами земного узилища... Слышите, как бьётся сердце горы? Каждый час оно обнимает теплом, пробирает тока дыханием...

– Я видел карпа в дикой воде, на мосту... Неужели и мой подоспел черед.

– Только мы решаем, когда разорвать нитку яшмовых рос. Не раз пробуждались бранные дважды, испив из истока мудрости. Но, впрочем, здесь у нас и впрямь непростой рёкан. Должно соблюдать порядок, прислушиваться, не иначе. Сильно неприятные ждут вздорного гостя злключения. Мир вещей вам уже приявился. – Хитро улыбнулся Фудо. – Следом надлежит вовлечься в борьбу начал, что разбудили и огонь, и воду, и другие силы, смешав и человека к несовершенной жизни. А решится судьба в Предельном Бастионе, в Лунных Покоях, на Вершине Пустоты... Впрочем, много печальных у обители имён.

– Но что может тихий монах против стихий, против духа?

– Что может, что может? – передразнил Фудо. – Допустим, не срисовав ни одной сутры, проведать дорогу через дикие воды. Много встречали вы таких монахов?..

В этот момент спутники подошли к окончанию коридора. Стены рёкана упирались в гору, где грубым, неискусным способом прямо в скале был прорублен в подземье спуск. Гниющей рыбой потянуло оттуда, и Тоео в нежелании отступил от пролома.

– У-у-х! – крикнул в черноту горы Фудо. – Может статься, что отправимся и туда. А пока скорее к госпоже! Где-то здесь ступенная дорога. – И он осветил неприметную нишу справа, уводящую лестницей на другой этаж. – Разумеется если бонза Тоео не хочет покинуть нас? Добрый ход с часом крысы прикрыли, но сквозь тело горы куда-то да попадёте. Твари подземельные проводят. – И управитель приблизил жестами Тоео к пролому.

Там внизу, спустя дюжину пролётов, вдруг выступили из темноты густо заросшие шерстью гиганты. Ростом они грозились выше любой потолочной балки привычного дома и с нетерпением о чём-то затаённом скрежетали зубами, царапали тело горы трёхпальными руками, когтями длинными, острыми. Это были те самые черти, что так часто пугали Тоео в чудесных историях мамы на ночь, в рассказах о лютой жажде до плоти в особенно сильные, грозные дни.

Тоео не стал отвечать управителю и двинулся вверх по лестнице.

¹³ Время быка – временной интервал в японском времяисчислении с часу до трех ночи. В это время привычно проявлялась всякая нечисть.

– Граница между мирами, бонза Тоео, не такая уж и неодолимая. – Догонял по ступеням Фудо. – Насилие и несправедливость открывают мщения путь. Оттого вы умиряете ушедших ритуалами и воспоминаниями, опасаясь их посмертного проявления, выдумываете себе для успокоения отдельный долг, говорите о чести, ответственности. Но совсем не видите преобразений в заречном мире, хотя и праведник может отрастить себе рога. Просто вам до поры того не видно... Зла в общем-то не существует. Всё зло внутри вас. Когда страдаете, печалитесь, тяготитесь обидой и разочарованиями, не извиняете, преобразуя души в стоки злобы и нелюбви.

– Вы так отрешённо обо всём говорите. Кто же вы такой, Фудо-сан? Как много ишу я ответов...

– Не каждый сон ведёт к пробуждению. Не стоит теперь обо мне. Важнее довериться часу открытий. Впрочем, проверка и губительной может стать для души нечистой. Бояться должно негодному человеку, обманывающему, положим, других. А так, человек вошедший и выйдет человеком. Главное, не утратить веру в красоту пути, в гармонию личной суги.

– Много ли достойных преодолели путь?

– Немного. И никто не поможет и не защитит. Иначе как раскрыть силы потаённые. Но были временные посетители, не помню, правда, теперь когда...

Пролёты закончились, и управитель вывел Тоео на новый рёкана предел: похожий тёмный коридор, но короче и никаких по сторонам комнат, будто все они соединились в единые покои принимающей гостей госпожи. Жестом Фудо пригласил Тоео продолжать путь и, дойдя до единственного входа в покои, в сомнении остановился.

– Предложите последний совет, Фудо-сан. Чего особенно монаху опасаться?

– Кто знает, чем станет забавляться госпожа... Возможно случится трапеза, а может внимание. Положим, довольно предстать учтивым и не придётся отдавать всего себя. Помните о преобразованиях, следите за тем, что является в руках, не изменяйте слову. Госпожа не терпит неправды, и бесполезно её крутить. И ещё, но это вы знаете, бонза Тоео, праведников в конце не будет, един несовместимых союз...

– Как я могу знать, что вы говорите правду, Фудо-сан?

– Я мог бы ответить, что мёртвые не плетут лжи. Ведь вы хотите увлечься в ответах чем-то ясным, простым, бонза Тоео? Уменьшить мир до ведомых размеров. Но мир не такой. Слишком много идей, творений, путей, событий. Впишите в книгу деяний и своё имя – станет не страшно. – Фудо раздвинул сёдзи в покои госпожи и, поклонившись, исчез.

* * *

Сладким сандаловым дымом окутало вмиг Тоео. Просторные комнаты госпожи, разделённые тут и там ширмами, туманились в истечениях благовоний, таились в полутенях и отсветах тихих фонарей. Шитоны¹⁴, укутанные дорогой тканью, повсюду валялись на полу. А в нише красоты рассыпались в высокой вазе безутешные примулы, отчаянные своим первоцветом, печальные пурпурными переливами, погодостойкие долгожители, которым суждено утихнуть в короткие дни.

Краем глаза в отдалении у стены Тоео заметил неподвижную фигуру. Госпожа, одетая в кимоно цвета морской глубины, с длинными рукавами, с черным широким оби¹⁵, низко склонила голову и, соединив ладони, молилась.

Любуясь не только святым чувством, но и прелестью госпожи, прекрасной и грозной одновременно, Тоео замер в восхищении.

¹⁴ Шитоны – подушки для сидения в традиционной японской обстановке.

¹⁵ Оби – японский пояс.

Госпожа стояла напротив высокого алтарного столика, освещённого крупными торо¹⁶. Позади стола висело в полумраке вековое металлическое зеркало, потускневшее, изрытое пятнами, но хранившее ещё в некоторых местах блеск прежних дней. На столе перед госпожой дымили палочки и лежали бессметные деревянные таблички всевозможных размеров, плотности и различной сохранности. Тоео узнал в них ихай, памятные по усопшим дощечки, но никогда прежде он не видел единовременного моления такому большому количеству духов.

Закончив поминовение, госпожа поклонилась дважды, приоткрыла складки кимоно и, высвободив из-за пазухи веточки какого-то зелёного растения с листьями плотными, лоснящимися, широкими, точно пластины брони, – поставила подношение в вазочку на столе.

– Несчастные духи любят всё самое свежее – и цветение, и общение, бонза Тоео, – тихо, вкрадчиво проговорила госпожа, выглядывая что-то будто и прежде для себя понятное в появившемся госте. – Хотя бы теперь в междумирье заслужили каплю любви... Пытаюсь вот в перепутанном шёлке мира что-то для тебя отобрать. – Указала она на дощечки. – Не люблю, когда просто так – в тишину... – И слова её заносились под сводами комнаты, загудели недобрым эхом. – Впрочем, для того ты и здесь, чтобы ответить призыву и подчиниться предназначению. Я лишь соединяю, всё остальное решает сама сестра. – И госпожа забурлила о чём-то короткими шипящими словами, заходила в полуприседе мимо стола, заюлила вокруг себя, взметнув вдруг руки к сводам, задрезав в воздухе зловещей колотушкой.

В тот же час таблички на столе задрожали, зашаркали, стали опрокидываться, наползать, собираться в кучу. Затем закружили неистово, зацарапали, не жалея стол, и одна из них выскочила из круговорота и ушла в совсем помутившееся зеркало, обрушив остальные в недвижности на стол...

Вспыхнули ярким пламенем тут же в покоях огни, заметался по комнате ветер, устроив на миг бессветие, а когда стены вновь покойно окрасились робкими фонарями, обнаружил себя Тоео стоящим против зеркала, а госпожа в отражении глубоко дышала, близко-близко укрывшись позади него.

Страшной была эта неприятная встреча, безоглядно хотел Тоео с места сойти, выскочить из покоев, слететь по пролётам, высвободить себя из рёкана в густоту ночи. Но не мог и шагу ступить, будто цепью держала, сковала его госпожа, приложив неприметно на плечо длинный изуродованный ноготь.

– Дух мой во мраке непроглядной ночи. Мучения бесконечны. Будь вечно проклят губитель наивной души. О-Ити жаждет из пучин небытия отмщения. Смотри, бонза Тоео, этот мир без законов, – голосом страшным, неживым кто-то заговорил устами госпожи.

Позади Тоео теперь проявилось в теле госпожи существо пропастное, скверное. Гнилым истечением пахло его нутро. Глаза госпожи обратились в чёрную руду, движения стали ломаными, пряди окрасились пеплом и, разметавшись, покрывали лицо. Губы что-то неясное в отражении шипели, проявляя зубы нечистые, острые, точно обгорелые, камнями заточенные. И явилось Тоео жизни О-Ити в зеркале видение.

* * *

Юная, юркая, слезливая, прекрасная в своей неспелости О-Ити бежит навстречу родителям, а те балуют её, радуются каждому мгновению.

Ещё девочкой она посещает храм, благодарит kami-sama¹⁷ за охранение и смеётся с братьями над худородными, обвиняя их в несправедности прошлых дней, радуясь справедливым в этой жизни воздаяниям.

¹⁶ Торо – традиционный японский светильник, сделанный из камня, дерева или металла.

¹⁷ Ками-сама – японское слово, обозначающее «божество».

Вот она готовит себя к придворной службе, учится быть спокойной, постигает искусства, листает книги и радуется успехами отца, который не только скорым знатным родством счастится, но и рассчитывает на приобретения в собственных делах.

Но вот облетает первый радости лепесток. Отца назначают правителем в глухие восточные земли, в рубежи опасные, нелюдимые. И скрывается теперь О-Ити не только от столичных новостей и событий, но и от посторонних глаз, избегая насилия и напастей, забывая рассчитывать на яркий в браке союз.

За падением первого лепестка тотчас опадает другой – О-Ити предстоит разлука с любимым.

Сталось так, что проездом по столичным делам оказался в землях отца О-Ити придворный чиновник, влиятельный и одарённый не только благами микадо, но и личными задатками. Пробудившись блеском волос О-Ити, голосом ласковым, одухотворённым, читавшим давно позабытую поэзию, убедил чиновник отца – проявить О-Ити без веера, ширм и занавесей, открыть лицо к его светлой радости. Гостю было сделано уважение. А ночью, пока свита допекала отца, он явился в покои О-Ити, погасил огни и начал блудить.

Скромность в любви в дни покоя Ямато не признавалась чем-то непременно и надобным. Безыскусность в самой разнузданной любовной близости скорее портила семейные дни, их долговечность и стойкость. Потому не печалилась О-Ити, отпуская чиновника следующим днём, веря в его обещания о недалёкой встрече, о замужней сладости.

Но долго не было от желанного вестей, а случившееся после – совсем облетело до лепестка дерево счастья позабытой О-Ити, обманутой. Получила она от чиновника письмо, в нём он просил, уверял, настаивал совершить на имя микадо прошение о возвращении в столичный круг за долг исполненный, правление верное. Убеждал, что разрешение непременно случится, и, хотя не пришёл, не настал должный срок, приютит солнцеликий в столице их дом.

Письмо случилось, составилось, в сроки представилось. Но надежды О-Ити возрастали беспочвенно. Ещё в более дальнюю восточную провинцию получил назначение её отец, и судьба О-Ити была разрушена.

В тихой лунной печали стояла в тот переходный день О-Ити перед водами быстротечными. Гляделась в себя, думала о своей прелестности нехорошее, считала себя отвергнутой. Затем принялась ревновать его, молодого и властного, к другим, законным и чуждым. Гневалась её обида и свирепела, ввергала в решительное состояние духа, и отдала О-Ити себя водам холодным и равнодушным.

Как тихо было в потоках. Как покойно, безмысленно. Лучи ночного светила плыли рябью по воде, убаюкивая, опекая. От солнца пряталась О-Ити на донной глубине, где не видно было ни листвы, ни камней, ни родного края.

Одной ночью в час безмолвного течения О-Ити по воде кто-то подкрался к покойной глади и стал выкликать имя её грубыми, недолжными словами. Точно сила какая-то невидимая подняла вмиг О-Ити из воды, и канул в глубинах обидчик. Никто не видел более пропащего, а О-Ити прекратила покоя смирение, погрузилась в обстояние бесконечной мести и в непроглядного зла темноту.

Много невинных с тех пор погибло. Поселился всеобщий в столице страх. Избегали горожане водоёмов и зеркальных поверхностей в тёмный подлунный час. Прекратили и навещать друг друга. Плотно запирали сёдзи.

Но не случилось добраться О-Ити до самого желанного, обманувшего и надежды её, и судьбу. Удалился чиновник от скверны, оградился от внешнего мира в покоях своих, избавился от зеркал, от открытой воды, от иного отражающего проявления. Выстоял положенный неупокоенной душе срок и не достался О-Ити.

* * *

Этой неслучившейся мезью и прекратился видения ход. Рябью пошли картины в зеркале. Блэкнуть стали, исчезать. Дымом, не исходящим в мир, покрывалось отражения лицо, мелькали последние знакомой жизни в столице Тоео картины, а затем и совсем пропали, темнотой в зеркале обернулись.

Глядели теперь в Тоео только два отражения – он сам, непохожий от жути уже на прежнего, и госпожа, приютившая в теле своём О-Ити, с запавшими чёрными глазами и почерневшим от гнева ртом. Будто наевшаяся земляной тверди, клекотала она в предвкушении. Руки её, придерживавшие Тоео за плечи, стали вмиг в отражении эбеновыми, покрывались длинными белыми волосками.

– Вот и весь приговор... – хрипела еле слышно госпожа, поднимая руку правую ввысь. – Зеркала, блестящие грёзы, не только подражают сами, но способны и принуждать. – И Тоео против воли стал тянуться правой рукой к сводам. – Сначала я только грозила, чудовищный принимая вид. Не имея прежней телесности, выскакивала из заволочённых мест, доводила несчастных до помутнения. Но однажды кормилица моя добрая развидела меня в покоях. Узнала печаль в отражении и обучила силам натурным, древним – через истории вязь в зеркалах снова прежний мир направлять. Должно лишь убедить в трепете дослушать отразившегося, а там не избегнет он ярости, переломит и кости, и жизни цвет. – И госпожа круто, отчаянно свернула на бок шею и невозможно стала проворачивать её против естественной для любого тела оси.

Острой болью зажглись у Тоео мышцы, захрустели плечи, затрещали позвонки. Неостановимы были излома шеи движения. Тоео силился, толкался ногами, пробивал пальцами ладони до крови, но не мог от отражения уйти, противиться его велению. Руками даже направить, остановить смертоносное вращение не выходило.

– Сердце – вот стоящее проявление! – кричал, погибая, Тоео. – Чувство искреннее, наслаждения танец – лучшее, что случается с нами. Мир живёт ради этих встреч. Великолепных, страстных, пускай и конечных! В минуты любви нет сомнений и нет препятствий. И всё тускнеет перед напором этого чувства... – задышался, теряя сознание, Тоео.

Сила дикая вдруг отпустила его, вернула шее привычное положение. Тоео повалился на колени, а госпожа захрипела:

– Увлечение непостоянно, хочется навсегда...

– Любовь есть то, что ты любишь, – шептал в ответ Тоео. – Не то, что любит тебя. Это и есть навсегда. Силу страдания, чувства, их часы – продолжаем мы сами. Вещи желанные, воображимые – бесценны своей недостижимостью, хрупкостью своей, истечением, памятью. Чувство разочарования порою сметает нас ярче любых счастливых дней. Никто не может нам запретить любить. И в этом чудо жизни.

Безмолвно стало в покоях, глуше. Точно ушло разрушительное клекотание зла. Не было больше в отражении госпожи ни свирепости, ни приговора. Какое-то белое испарение источалось из неё, зависало скоплениями в воздухе. Затем этот странный туман тёплым дуновением проскользил по щеке Тоео и втянулся неспешно внутрь зеркала, высвободив из потусторонней поверхности памятную табличку и какой-то круглый предмет.

– Ты достоин следовать выше. Доке – сестры дар, поможет в предназначении, – проговорила спокойно госпожа, указав на бронзовое зеркальце, чудесно проявившееся на ритуальном столе. – Как меч заключает дух воина, так доке являет дух сестры. Возьми его и ступай. Не ради любви иди, а во имя расплаты. За пределами ждёт Фудо. Я же должна покоя найти исток.

Тоео поднял зеркало, стал рассматривать его на ладони – в центре его оборотной стороны в потоках бронзовой воды плыла черепаха, через панцирь её проходила петлёй соломенная

нить, а в небе над черепахой кружил журавль. Такое доке, подаренное с добрым чувством, обещало владельцу долгую, радостную жизнь, а подаренное с чувством злым, напротив, лишало и крепи, и счастья.

* * *

У покоев госпожи в коридоре ожидал Фудо. В руках он держал походный короб Тоео, а увидев и самого владельца вещей, приветственно закивал.

– Бонза Тоео, как я рад и мудрости вашей, и поручению. Бывало ведь, что и на край земли или без глаза, положим, без имени. – В этот момент снова заносился по рёкану гонга зов, сообщая о наступлении часа тигра¹⁸. – Вот, в самый раз. Облачайтесь скорее в своё неприглядное, и проследуем в пустоту, в башню, где всё и решится.

Тоео не изумлялся уже прозорливости управителя, больше его беспокоили мысли о неперенной расплате за случившийся обман. Он извлёк из короба доспехи ярко-алые, защиту на локти и голени эбонитовую, шлем воина с пунцовыми шнурами и широкими защитными крыльями, за который Тоео звали в бою «Государь лев». И предстал перед Фудо теперь не бонза, а воин спокойный и грозный, сжимавший в руках не знавший поражения смертоносный в два сяку¹⁹ меч.

– Из пучины боли и зла – в обитель духа и крепости. Следуй за мной, буси Тоео. – И Фудо направился в верхние пределы рёкана.

Третья башня постоянного дома ослепила Тоео и своими просторами, и огнями-потоками. Широкий церемониальный зал без сёдзи и комнат, открытый со всех сторон луне, продуваемый горными духами, предстал Тоео после натопленных, тусклых пределов свежим и благостным, ясным от многочисленных огней, подвешенных под сводами крыши, линиями разбегающихся внутри медных торо.

В центре комнаты цвела нежным цветом широкая вишня, а вокруг неё всё пространство зала занимали стоящие в ряд друг за другом воины – буси готовились к смерти. Кимоно их были траурными, белыми²⁰, волосы аккуратно собраны на макушках в пучки. Татами перед воинами были покрыты шёлком, на них покоились деревянные домики-подставки с блистающими священными танто²¹, связки свежих ирисов колосились в вазочках у изголовья ритуальных циновок.

– Сэппуку²²! – невольно вырвалось у Тоео, и затаилась вмиг в пространстве зала особая тишина, торжественно пресеклось любое дыхание, любое моление.

Воины смотрели теперь на Тоео и точно ждали решительности и от него.

– Верные слуги меча, буси Тоео, – стал объяснять Фудо. – Не каждый достоин дойти до Башни Пустоты, не всем достаёт умений и характера. Но вот в чём неизменная прелесть: воины грубые, неприхотливые, пребывая в руках у смерти, находят в последний миг способности для поэзии. И это живая история, мёртвые не слагают стихов даже о новом своём гибельном доме. И чиновник, и разбойник становятся у предела поэтами. Сойдёмся с ними ближе.

¹⁸ Час тигра – временной интервал в японском времяисчислении с трёх до пяти ночи.

¹⁹ Сяку – японская мера длины. Изначально равнялась расстоянию от локтевой кости до кончика мизинца. Впоследствии стала соответствовать примерно тридцати сантиметрам.

²⁰ В Японии белый цвет символизирует траур и ассоциируется с чистотой и духовностью. Невеста облачается во всё белое в знак того, что она покинет дом мужа не иначе как мёртвой.

²¹ Танто – короткий японский меч, который использовался как вспомогательное оружие (для добивания, отрезания голов, хакакири) и никогда как нож.

²² Сэппуку (или хакакири) – ритуальное самоубийство методом вспарывания живота, принятое среди самурайского сословия средневековой Японии.

Дзисэй – короткий печальный стих – самое искреннее искусство для любого сердца. – И Фудо пригласил Тоео проследовать вдоль первого ряда смиренных воинов.

– Тейнаи Райоки, – приветствовал Фудо поклоном совсем юного буси.

– *В прощальный час не тревожусь о страхе.*

О встрече с камелией грёзы мои.

И слово звучит и уже бессмертно, – прочитал воин в ответ.

– Прелестно, чарующе... – Закачал головой Фудо. – «Неслышащий грома» здесь его зовут. Печальна и злополучна юноши судьба. Безнадёжно влюблённый в хрупкую Исэ, недостойный по положению руки. Решился он на хищение, на побег. Предал всё в жизни ради чувства. В пути укрылись вдохновенные от грозы в ветхом амбаре. Встал юноша на ночь у входа в дозор и не слышал в раскатах грома призывов о спасении терзаемой Исэ – лихие люди прятались под сводами, и не случилось любви пережить несчастную ночь.

Фудо и Тоео двигались дальше, и каждый из воинов склонялся навстречу, читал дзисэй, рассказывал историю.

– А вот отец, в бою несокрушимый, но покорный и нерешительный в делах суетных. – Задержался Фудо у одного из буси. – Отправил усердную дочь, ненаглядное своё в старости утешение, в услужение к соседу. Тот, не сумев овладеть ею силой, забил палками до могилы и прикопал. А когда потребовал Унмейни Джуджун дочь свою обратно, обвинил в воровстве её сосед, притворился, что не сдержал в праведной одержимости гнева, обошёлся круто. Посерел лицом вмиг отец обескровленный, но заявить не посмел: как опорочить семью, имя. Покорился судьбе, подчинился её предопределению...

– *Загнивает бревно под землёй.*

Ни цветов не даёт, ни плода.

Жизнь бездетного

Так же бесцельна, – произнёс в ответ тихо Унмейни Джуджун.

– А вот, буси Тоео, глядите, какой славный воин. Мы зовём его «Раз оступившийся», он совершил немало дурных поступков, но один стал губительнее всех. Тодачи-но Тсуми, расскажи нам историю, – обратился к широкоплечему рослому буси Фудо.

– Бесценно промедления время. – Поклонился тот в ответ и начал рассказ: – Не было в моих краях искуснее воина. Любой уступал в бою. Лишь разливы речной воды и падение игральные кости не давались мне. – Засмеялся буси. – Сыскал я и славу, и достаток, исполняя любое служение. И стало скучно. Решил я шалить. Выходил по ночам на дорогу, отнимал у прохожих мечи, никого намеренно не калечил, никого не губил. Правда, если противился кто-то сильно решению моему, разрубал наглеца пополам беспощадной своей нагинатой²³. Повстречались однажды в лесу мне женщина с младенцем. Стал неволить её я к блуду. А она, отпросившись по зову в чащу, оставив ребёнка на сохранение, выбежала из леса на дорогу и стала призывать всадников отряд. Когда прибыли они на место – не нашли ни меня, ни младенца. Не сдержался я в исступлении от обиды, гнева и притворения...

– Кровожадны деяния твои. Но госпожа допустила прощение. И ты тут, грозный воин, – сообщил Фудо о расплате за гибель земных дней.

– *Мне видится так:*

Лучше всего согреть sake

В ладонях круглолицей девчонки. – Засмеялся буси в ответ.

Фудо и Тоео продолжили вдоль приговорённых путь и вскоре дошли до пределов залы. Здесь только Тоео увидел стоящих вдоль стены гигантов в чёрных доспехах и белых капюшонах. Они опирались на тяжёлые нагинаты, точно на трости, и свирепо вздыхали, скрывая лица под белыми клыкастыми масками. Тоео не мог различить – черти были перед ним или люди.

²³ Нагината – японское холодное оружие с длинной рукоятью и изогнутым односторонним клинком. Похоже на алебарду.

Должно быть, гиганты ожидали здесь, чтобы вмиг прекратить после ритуального надреза мучения приговорённых, а может, они управлялись с теми, кто надумывал непослушания бунт.

Последнее у стены, приготовленное для сэппуку место было пустым. Всё так же торжественно устроено – ирисы, ритуальный танто и белое кимоно для ещё одного идущего по зову чести.

– Это место уготовлено для вас, буси Тоео, – проговорил Фудо. – В оттенках справедливости не бывает серого – лишь чёрный цвет, лишь белый. Воину нет возможности спрятаться от самого себя и судить себя ему лишь дозволено. Вы оставили столицу, дабы разведать и узнать – куда, почему и как исчезают с далёких троп люди. Вы солгали нам. И под своды рёкана проник обман. Мы впустили вас, чтобы испытать, но настало расплаты время.

– Как презренно, трусливо

Цвели бы вишни,

Не позволяя ветру себя срывать,

Спасаясь от весны скоротечности, – храбро отвечал управителю Тоео.

– Вы – философ, буси Тоео. Это замечательный дзисэй, – с поклоном приветствовал ответ Тоео Фудо. – Но видится мне, путь смерти ещё не настал для вас. Помогите О-Ити, освободите её дух. И одна из сестёр рёкана в заточении покинет обитель боли, расправит плечи, забыв о бесчестии. Доке – вот ключ. Отнесите его обидчику. О-Ити вкусила пищу неживых и более не в силах проникать в предметы вашего мира, но в этом зеркале способен отразиться её яростный дух. Так настанет свершение, так О-Ити уйдёт от обид...

Тоео молчал. Внутри него шла борьба долга, чести, рвались жилы сомнений и нерешимости. В этот раз судьба предлагала ему не только непостижимый, но и невозможный выбор...

– Фудо-сан, благодарю за время открытий, – обратился к управителю Тоео, – за свободу обойти смерть. Но я не вправе принять ни одно из поставленных решений. Нет для меня отличий – жизнь в отчем краю или смерть в чертогах безызвестных. Позор – худшее, что может стать для меня. Но не нарушил теперь никакой я справедливости. Верно, что прибыл в рёкан, следуя путём долга. Службе остался честен я до конца. И должен теперь покинуть обитель или остаться, с мечом в руках погибнув. Если же найдётся средство вновь на земле мне свидеться с матерью и отцом, обещаю обнажить свой меч в честном бою с О-Ити теснителем.

– Буси Тоео, тягостны ваши слова, – помрачнев, сообщал Фудо. – Чести не будет в битве с нами, не будет и славы, лишь безумство боли невыносимой. Смотрите на яростных стражей залы. – И Фудо указал на стоящего рядом гиганта. – Маска прячет лицо, но ненависть их непритворна. Не больше девяти взмахов мечей продлится битва, никто даже самый искусный дольше не воевал. Затем страж повалит вас на татами, прихватит за волосы и, орудуя острым танто, сдерёт, надрезая по кругу, кожу... Одумайтесь, оберегитесь...

Но Тоео лишь протянул Фудо доке, а вернув зеркало, с боевым выкриком обнажил меч.

Зашептали в изумлении воины в зале, сошли гиганты со своих мест, лезвия нагинат засверкали в направлении Тоео.

– Стойте! Прекратите! – прервал бой разгневанный Фудо, и голос его вихрем, сдувающим всё на пути, заметался под сводами, распалая пожарами в подвесных фонарях огни. – Ступай, воин Тоео, и отомсти... если сможешь.

Тоео безмолвно поклонился и отправился по лестнице прочь. Вслед ему летели восхищённые последние выкрики приступивших к смертельному ритуалу воинов. И дух их выпархивал через окна ввысь, облетая ширкой вишни цвет. Лепестки её, опадая, прикрывали разливы руды храбрецов, засыпавших навечно в опустевшей Лунной Башне.

* * *

Всадники кружили вокруг крепкого старца. Доспехи их полные были в пыли. Лошади измотаны. Видно было, что давно ищут воины привал или иное заветное место.

– Старый человек! Скажи, не встречал вблизи заставы разрушенной, крепости? Моста старинного у вод непроходимой мутной реки?

– Позади меня, свирепые буси, в дне пути переправа. Но не следуйте в те края, если желаете ещё любоваться небом рассветным... И зачем называете меня старцем?

Засмеялись в ответ воины. Загрозили, забренчали орудием.

– Нет ли на том берегу рёкана? Тайны мира, доносится слух, раскрываются там, – спрашивали в нетерпении воины.

– Верно. Стоит постоялый дом. Вижу, многое знаете и без меня. Кто вы, откуда, зачем следуете необратимой дорогой?

– Верные слуги мы столичного даймё²⁴. Сына родного он в этих краях потерял. Много лет прошло, как отправился в путь буси Тоео, снаряжённый на службу отцом. Обещал наш отряд его отыскать – не прекращаем ни днём ни ночью поиски. И обрели наконец дорогу. Жаль, не дождался вестей господин – отправился сорок дней назад к источнику вечному. Но сдержим мы слово и разыщем Тоео, оплатив любому, кто причинил ему зло.

Странно зашаркал ногами старик, пописел сперва, затем на твердь повалился. Засучил руками в пыли, стал мазать грязью лицо, рыдать.

– Безумен, братья, этот отшельник! – закричал предводитель отряда. – Но в направлении его поскочем. Не мог выжить он в одинокой дали без подкрепления, крова. – И всадники двинулись прочь от плачущего старика, заматавая того в пыли, почти копытами забивая.

* * *

– Новые воины следуют к нам, госпожа, – обращался, заискивая, Фудо.

– Прояви переправы путь. Пусть достигнут цели. Я всё ещё тобой недовольна, управитель. Зачем отпустил буси Тоео? Должен за послушание был умертвить в подземельях его.

– Не болью телесной даётся отплата. Немало он, госпожа, пострадал. Сперва поняв, что отправлен навстречу гибели собственным своим родителем, затем, приняв долю неотвратимости, согласился убить отца, дабы восстановить справедливость судьбы О-Ити. Но и здесь – годы, в рёкане прошедшие, не позволят Тоео месть претворить, а неспособность отвечать слову – ещё большая пытка для любого буси. Самую долгую ночь пережил Тоео и вышел преобразённым.

– Сгущаешь ты, управитель. Я всё равно сердита. Задумал ты, я знаю, на самом деле, что... Подумаешь, одним честным человеком больше... в мире, где нет законов, где все сходят с великого пути...

– Перевес, госпожа, очень заметен. Пока ясное сердце стучит, не падает в бездну света творение, хранится и вера в людей... У вас в покоях тем временем томится один чиновник, его так давно ожидает сестра О-Ити...

²⁴ Даймё – крупнейшие военные феодалы средневековой Японии, элита среди самураев.

Судзури-но Тамаси. И-НО УТИ²⁵

Каждый устроен по-своему, и нет человека, который был бы законченным злодеем. Нет и таких, кто сочетал бы в себе все достоинства: красоту, сдержанность, ум, вкус и верность. Каждый хорош по-своему, и трудно сказать, кто же действительно лучше.

#

Мурасаки Сикибу

– Держи вора-а-а! – надрылся щуплый слуга, вцепившись обеими руками в ногу Нэдзуми Кодзо.

Второй ногой Нэдзуми пытался отбиться от усердного паренька. Он бы помог себе и руками, но, к сожалению, они были заняты. Одна держала сацумскую вазу²⁶ с танцующей гейшей, другая – блюдо с ажурной резьбой. Да и доверху набитый сокровищами заплечный мешок не способствовал избавлению от крикуна.

«Как же ты не вовремя пришёл! – с раздражением подумал воришка. – И зачем, спрашивается? Хозяев дома нет – знай бездельничай».

А всё начиналось так хорошо...

Основательно поиздержавшись в Осаке, Кодзо рассчитывал наполнить свои карманы в Киото. Уже с первых часов город оправдал ходившие о нём слухи. Здесь и вправду жили беспечные богачи, которые привыкли к спокойствию и миру. Чем ещё можно объяснить, что в дни Аой-мацури²⁷ дома оказались пустыми? Слуги были не в счёт. Хотя они и не участвовали в торжественных шествиях, но манящие звуки бамбуковых флейт, гонгов и барабанов не могли оставить их безразличными. Любопытные лица с блестящими радостными глазами виднелись на каждом углу.

Тайно посетив несколько домов, воришка остался незамеченным. Удача отвернулась лишь в последнем. И зачем он туда пошёл? Проклятая жадность!

– Лови его, лови! – не унимался слуга. На крики сбежались другие люди, и Нэдзуми рванул из последних сил.

Тяжёлый мешок был отброшен в сторону. Ваза тонкого фарфора разбита о чью-то крепкую голову. Ажурное блюдо исчезло под ногами преследователей.

Вскоре он затерялся в толпе.

– Опыт сказывается, – самодовольно хмыкнул Кодзо. – Как-никак, а уже десять лет в деле.

С наступлением сумерек люди незаметно исчезли с улиц города. Шумный Киото как будто вымер. Поначалу Нэдзуми не придавал этому значения. Но когда остался один, ему стало не по себе.

Первые звёзды осветили ярким сиянием небосвод.

«Пора искать ночлег», – подумал Кодзо и свернул в сторону моста Сандзе.

Шумную ликующую толпу он увидел издали. Что они кричали, мужчина не разобрал, однако отчётливо рассмотрел каждого участника процессии. Волосы поднялись у него на голове – язык прилип к нёбу, а ноги задрожали. Вопль ужаса застрял в горле.

²⁵ Ино-ути – в переводе с японского «пока дышу».

²⁶ Сацумская ваза – отдельная категория фарфора. Как правило, отличаются определёнными размерами – высота ваз составляет от 23 до 25 сантиметров – и украшаются изображениями японских гейш или дикой природы.

²⁷ Аой-мацури – синтоистский праздник в японском городе Киото.

Весёлой шумной толпой навстречу ему шли ёкаи. Протяжно мяукали двуххвостые нёкомата, вторя им подвывали безногие юреи. Ритмично щёлкали клювами уродливые капша. Задорно мотали из стороны в сторону длинными носами²⁸ краснокожие тэнгу. Весь этот гомон сливался в такой гвалт, что у неподготовленного слушателя закладывало уши.

Нэдзуми сделал два глубоких вдоха, пытаясь успокоиться. Проиграл сам себе. А потом рванул в обратном направлении так быстро, что только пятки засверкали.

«Так вот почему на улице нет людей, – понял Кодзо. – В этом году Аой-мацури совпал с Хякке ягё²⁹. Бывает же такое!»

Как долго мужчина блуждал по незнакомому городу, одному только богу известно. Только ноги его вынесли на окраины Киото.

«Видно сегодня мне придётся ночевать под деревом», – только успел он так подумать, как увидел красивую девушку. Она спешила по своим делам и шла не оглядываясь.

– Одзё-сама, – окликнул он её. – Где здесь можно остановиться на ночлег одинокому табибито³⁰?

Незнакомка остановилась и слегка повернула голову. Лунный свет осветил её прекрасные черты.

– Здесь неподалёку есть рёкан³¹, где рады каждому путнику, – махнула рукой в нужном направлении.

Нэдзуми поблагодарил барышню и пошёл к постоялому двору. Он так торопился, что даже не заметил, как в луже после недавнего дождя вместо девушки отразилась трёххвостая³² кицунэ.

Оставив варадзи³³ около гэнкана³⁴, мужчина прошёл в помещение. Осмотрелся. Всё вокруг сверкало чистотой и дышало уютом. Навстречу спешил радушный хозяин. Почтительно поклонившись, он пригласил Кодзо за столик и предложил выпить чаю.

– У нас самые лучшие условия для путников, – меж тем говорил хозяин. – Есть онсен, в котором вы можете отдохнуть и расслабиться после тяжёлой дороги. А после мы готовы предложить вам кайсеки³⁵.

«Да здесь и даймё³⁶ не побрезгует остановиться, – подумал Нэдзуми. – Боюсь, ночлег мне не по карману».

– Не переживайте об оплате, – как будто прочитал его мысли старик. Морщинки тонкими лучиками разбежались вокруг его улыбающихся глаз. – В последнее время постояльцев мало, и мы рады каждому гостю. Даже самый бедный путник может остановиться у нас.

– А постояльцев с ирэдзуми³⁷ вы пускаете в онсен³⁸? – продолжил допытываться Кодзо. Большой красочный дракон на всю руку скрывал то, что мужчина никому не хотел показывать.

²⁸ Длинный нос в изображении тэнгу появился предположительно в XIV веке, как очеловеченная версия птичьего клюва.

²⁹ Хякке ягё – «ночной парад ста духов». Проходил каждый месяц. В эти дни люди старались не выходить на улицы из домов.

³⁰ Табибито – «путешественник» по-японски.

³¹ Рёкан – традиционная японская гостиница.

³² Трёххвостая кицунэ – три хвоста означают, что лисе 300 лет. Каждые 100 лет у кицунэ вырастал дополнительный хвост, который наделял её специальными способностями.

³³ Варадзи – сандалии, сплетённые из рисовой соломы или пеньки, один из видов традиционной японской обуви.

³⁴ Гэнкан – зона у входной двери, традиционная для японских домов и квартир, представляет собой комбинацию крыльца и прихожей.

³⁵ Кайсеки – это традиционная японская трапеза с переменной блюд. Обычно это обед или ужин, который состоит из 14 или даже более блюд.

³⁶ Даймё – крупнейший военный феодал в Японии с X по XIX века.

³⁷ Ирэдзуми – искусство японской татуировки, характеризующееся особым стилем нанесения. Основной тематикой явля-

Только благодаря искусству мастера удалось скрыть широкую линию³⁹, которая опоясывала предплечье левой руки. Продемонстрировать её – всё равно что во всеуслышание признаться во всех своих цуми⁴⁰.

– Я работаю хикеси⁴¹ в Эдо, – решил пояснить Нэдзуми. – Сами знаете, суй-рю⁴² защищает от огня.

– Конечно, – снова улыбнулся хозяин. – Можете не беспокоиться, мы всё понимаем.

Несмотря на добродушие старика, Кодзо никак не мог избавиться от сомнений. Было сложно объяснить, что его настораживало. Весь предыдущий опыт буквально вопил – так не бывает! Всё слишком хорошо.

На дворе стояла ночь. По городу разгуливала нечисть. Да и день выдался суматошным. Искать другой постоянный двор решительно не хотелось, поэтому Нэдзуми согласился.

В онсене было несколько купален. В ротенбуро⁴³ расположились трое мужчин, которые негромко переговаривались между собой.

«А говорил, постояльцев нет», – удивился Кодзо. Впрочем, компания скорее обрадовала. Из таких, казалось бы пустых, разговоров можно было узнать много интересного и полезного.

Тщательно смыв с себя пот и грязь под проточной водой, Нэдзуми медленно погрузился в горячую воду купели. Как же хорошо!

– Накамура Дзирокити, – представился своим истинным именем.

Лишь ограниченный круг лиц знал Нэдзуми Кодзо⁴⁴ под этим прозвищем. Его дали друзья за ловкость и проворность.

Других путников звали Китахати, Хатиробэй и Джиро. Эти торговцы держали путь в Эдо, так же как и Кодзо.

Уже через палочку⁴⁵ Нэдзуми весело и непринуждённо с ними шутил. Через две – стал их лучшим другом. А через три – знал то, о чём они даже сами не догадывались.

– Как же чудесно, что мы здесь встретились, – сказал Китахати. Он занимался скупкой и продажей тканей в Киото. Любил вкусно поесть, что оставило отпечаток на всём его облике. – А не выпить ли нам по чашечке саке за знакомство?

– Отличная идея! – поддержал бойкий и жизнерадостный Хатиробэй.

Молчаливый, погружённый в собственные мысли Джиро лишь кивнул в знак согласия.

В дружеской компании время летело незаметно. Изрядно выпив, решили сыграть в те-хан бакути⁴⁶. Начали с нескольких мон, постепенно повышая ставки. Игра увлекла мужчин и время пролетело незаметно.

Час крысы плавно перетёк в час быка, когда Кодзо заметил неладное. В глазах как будто стало двоиться. Он одновременно видел улыбающееся лицо Хатиробэя и вытянутую барсучью морду с глазами-бусинками. Мечтательный Джиро облизнулся, и тут же змеиный язык скользнул по тонким губам. На Китахати даже страшно было взглянуть. Нет, лицо у него осталось человеческое, вот только тело раздулось и покрылось плотным панцирем. А бамбуковый ста-

ются герои и сюжеты японской культуры.

³⁸ Онсен – горячие источники в Японии.

³⁹ Широкая линия, которая опоясывала предплечье левой руки – татуировка, которой клеймили воров в Эдо.

⁴⁰ Цуми – преступления и другие запрещённые действия человека.

⁴¹ Хикеси – пожарные, работавшие в Японии в период Токугава.

⁴² Суй-рю – водяной дракон в японской мифологии, который, как полагают, приносит дождь.

⁴³ Ротенбуро – горячая ванна на открытом воздухе, традиционная японская разновидность бани.

⁴⁴ Нэдзуми Кодзо – в переводе с японского «Крыса Мальчишка».

⁴⁵ Палочка – ароматическая палочка, время сгорания которой примерно 30 минут.

⁴⁶ Те-хан бакути – японская азартная игра в кости, возникшая в эпоху Эдо, в период правления клана Токугава (с 1603 по 1868 год).

канчик трясли мохнатые паучьи лапы. Да и сама обстановка рёкана изменилась до неузнаваемости.

На резных сёдзи вдруг проявился глаз, который нагло подмигнул Кодзо. Чайник вместо ручки отрастил полосатый пушистый хвост и обмахивался им, как веером. А старинные напольные часы, слегка засаленные и потёртые от частых прикосновений, важно надували щёки.

Быстро собрав приличную кучку монет, Кодзо скомканно попрощался. Сослался на то, что прихватило живот, и стрелой взлетел по соловьиной лестнице⁴⁷.

«Привидится же такое! – с досадой подумал мужчина и вытянулся на заботливо расстеленном футоне⁴⁸. – Пить надо меньше!»

Тонкая простыня приятно охладила разгорячённое тело, и глаза Нэдзуми начали слипаться. Мужчина уже проваливался в сон, когда почувствовал, как что-то обвило его туловище. Пара ударов сердца, и он превратился в плотно скрученный свёрток. Концы ткани стянулись на горле и стали его душить.

– Ты чего это задумал, бесстыдник? – истошно заверещала простыня. – Хочешь воспользоваться незащищенной девушкой? – и плотнее затянулась узлом.

Перед глазами поплыли кровавые круги. Кодзо натужно захрипел:

– Да ты мне совсем не нравишься.

– Как это не нравлюсь? – всплеснула концами простыня и ослабила хватку.

Нэдзуми вырвался и кубарем скатился вниз. Добежал до сёдзи и рванул их изо всех сил. Сёдзи не поддавались. Как мужчина ни старался, перегородка не сдвинулась даже на сун⁴⁹.

Кодзо с опаской повернулся назад и понял, что пропал...

Позади него стояли ёкаи. Кого здесь только не было! Бездельник тануки и острозубый хэби, восьмипалый цутигумо и насмешливый мудзина. Из углов выглядывала другая нечисть, но от страха мужчина не разобрал их морд. А над всей этой толпой гордо парила девственно-чистая иттан-момэн.

– Что вам надо? – голос Кодзо от страха дал петуха. – Денег?

С детства мужчина твёрдо усвоил, что любую проблему можно решить при помощи звонких монет. Поэтому без раздумий вывалил перед ёкаями все свои сбережения.

Среди медных мон, серебряных моммэ и золотых кобанов каким-то чудом оказались отрубленные человеческие пальцы.

Нэдзуми закричал от неожиданности и отпрыгнул подальше от своих богатств. Мудзина иронично хмыкнул, цутигумо глумливо захихикал, а хэби закатил глаза.

И тут, раздвинув всю эту толпу, к мужчине вышел хозяин рёкана. Его внешность почти не изменилась. Он остался таким же милым, располагающим старичком. Лишь на вытянутой, подобно тылке голове, застыла приклеенная улыбка. Нурарихён!

Волна ужаса прошибла Кодзо от макушки до пяток. Он замер на месте и лишь беззвучно открывал рот.

– Пришло время оплаты, путник... – слова зловеще повисли в неподвижном воздухе.

– Пусть отдаст тама⁵⁰ – закричали с задних рядов нетерпеливые нэкомата.

– Нет, лучше ноги, – запищали откуда-то сбоку мелкие кама-итати. От радостного возбуждения они даже начали подпрыгивать на месте.

⁴⁷ Соловьиная лестница – лестница со скрипящими половицами. Использовалась в зажиточных домах, которые надо было охранять от врагов.

⁴⁸ Футон – традиционная японская постельная принадлежность в виде толстого хлопчатобумажного матраса, расстелённого на ночь для сна и убираемого утром в шкаф.

⁴⁹ Сун – японская единица измерения длины и расстояния, 1 сун = 30,3 миллиметра.

⁵⁰ Тама – в традиционной культуре, особенно в синтоизме, тама воспринимается как жизненная сила, искра божественного, присутствующая не только в людях, но и в природе – в горах, реках, деревьях, и даже в предметах обихода.

– Ноги, тама... главное тело! Давно я таких красавчиков не ела, – призывно улыбнулась лягушачьим ртом лохматая ямауба и потянулась к Кодзо скрюченными когтистыми пальцами.

– Ну что вы! Сегодня же праздник, – отринул все предложения Нурарихён. – Нельзя быть такими кровожадными. Да и скучно, если честно. Каждый день одно и то же. Пусть расскажет историю, а я послушаю.

– А что мне за это будет? – рискнул подать голос Кодзо. От своей смелости он на мгновение опешил, а потом обеими руками закрыл рот. На всякий случай, чтобы не болтал лишнего.

– Если понравится – отпущу.

– А если не понравится?

Многочисленная пауза говорила сама за себя.

За свою не слишком долгую жизнь Кодзо повидал многое. Несметные богатства, которые речным потоком утекали сквозь пальцы. Исключительное везение, будто приманенное лапкой кошки. Могучих друзей с силою карпа и солнцеликих женщин. Ему было о чём рассказать. Вот только с чего начать?

«Что может быть увлекательнее, чем богатая сытая жизнь?» – подумал воришка. Среди друзей эта тема всегда вызывала наибольший интерес, поднимала волну споров и обсуждений.

Поэтому приосанился и уверенно повёл повествование.

С упоением он описывал великолепия садов и величие домов военачальников. Сундуки, полные золотых монет. Редкие фарфоровые вазы и драгоценную утварь. Инкрустированные шкатулки, которые ломались от украшений. Удивительные по красоте картины и ткани.

И если поначалу Нурарихён заинтересованно прислушивался, то вскоре полностью утратил интерес. Досадливо поморщился и тяжело вздохнул. Тьма по углам рёкана сгустилась и задвигалась. Отовсюду слышались недовольный шёпот, цокот острых коготков по полу и предвкушающее чавканье. Окружающее пространство как будто уменьшилось в размерах.

«Надо придумать что-то другое, – запаниковал Кодзо. – Может рассказать о зверских убийствах и на шумевших преступлениях? Точно, ёкаям такое должно понравиться!»

Но чужие злодеяния оставили Нурарихёна безучастным. Зловещим огнём загорелись глаза нэкомата – с надеждой зачмокала ртом ямауба. Над головой мужчины пронёсся леденящий кровь вой юреев. От утробного рычания нечисти тревожно забилося сердце, руки мелко задрожали и тошнота подкатила к горлу. Кодзо долго не мог собраться с мыслями. Пугающие звуки мешали сосредоточиться.

Сбивчиво накидывая всё новые и новые темы, Нэдзуми описывал удивительные приключения друзей – хозяин рёкана зевал. Острил и шутил – тот лишь скептически морщил губы. Пел, танцевал, выстукивал мелодии на чашках, тарелках и столике. Всё было напрасно!

В конце концов идеи закончились, и Кодзо обессиленно опустился на татами.

Полный провал! Только так можно было описать то, что сейчас он чувствовал. В течение следующих минут мужчина испытал целую гамму переживаний: гнев, боль, разочарование. Их сменили уныние, опустошение и страх. Холодная капля пота скользнула между лопаток и скатилась по желобку позвоночника. Нэдзуми обхватил себя руками и ссутулил плечи.

В ожидании предстоящей расправы ёкаи сдвинулись плотным кольцом. Тяжело дышали в лицо смрадным дыханием. Омерзительно капали слюной и алчно тянули мерзкие лапы.

Кодзо застыл от ужаса, закрыл глаза и стал прощаться с жизнью. Перед внутренним взором промелькнули самые счастливые моменты. Нурарихён восторженно вытаращился по струнке собакой, взявшей след – ноздри затрепетали. С любопытством спросил:

– Есть ли ещё что-то, о чём ты хочешь рассказать?

– Нет. Я рассказал вам всё, о чём знал.

Нурарихён помолчал и с огорчением вздохнул:

– Ну что ж, видно пришло твоё время. Может ты о чём-то сожалеешь?

Перед глазами нежным цветком хризантемы возникло лицо Юки, и у Кодзо перехватило дыхание. Крупные слёзы ручейками потекли по щекам, но он даже не заметил этого. Внутри как будто всё перевернулось.

– Знаете, Нураихён-сан, всё, что я когда-либо делал, было только ради любви. Не спешите осуждать. Послушайте мою историю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.